

Хотя он пользовался только руками, Сунь Цзинь помнил, как в конце концов сжался в комок, словно будучи не в силах вынести происходящего, охваченный бурей эмоций. Он припомнил, как полупшепотом, захлебываясь слезами, спросил Сунь Синланя:

— Неужели нельзя обойтись без этого?

Сунь Синлань ответил:

— Нельзя.

Затем он обнял его со спины, прижался лбом к его затылку и тихо произедал:

— Спи.

Они впервые спали вместе, будучи в абсолютно ясном сознании, но голова Сунь Цзиня была забита хаосом, как и всё его тело. Он чувствовал себя настолько измотанным, что в итоге сам не заметил, как провалился в беспокойный сон.

Сунь Цзинь знал, когда Сунь Синлань уходил. Во сне он бессознательно сжимал его палец, а когда тот был высвобожден и ладонь опустела, Сунь Цзинь, даже не открывая глаз, понял — наступило утро.

Тепло за спиной исчезло. Сунь Синлань всегда действовал решительно, не оглядываясь назад: встав с постели, он немного побродил по комнате и открыл дверь, но на секунду словно замешкался. Сунь Цзинь лежал с закрытыми глазами, не в силах пошевелиться, и не был уверен, смотрит ли тот на него.

Дверь закрылась, и остатки сна в мгновение ока испарились. Сунь Цзинь открыл глаза и тупо уставился на край кровати. Его вдруг осенило, что он должен был сказать Сунь Синланю: не забывай вовремя менять повязку и не мочи руку.

Однако, стоило ему сесть, как снаружи послышались хлопок автомобильной двери и звук заведенного мотора.

Сунь Цзинь босиком выбежал на балкон и сквозь листву деревьев увидел, как черный автомобиль стремительно удаляется.

Он постоял некоторое время, вернулся в комнату, прибрал постель и прошел в свою спальню. Взяв в руки телефон, он увидел сообщение, отправленное минуту назад:

На балконе холодно, возвращайся в комнату.

Сунь Цзинь долго стоял, сжимая смартфон, пока тот не погасил экран автоматически. Глядя на черную гладь, в которой отражалось его собственное лицо, он подумал, что, скорее всего, он пропал. У него уже было смутное предчувствие об этом — еще много месяцев назад, когда он той ночью по своей воле обнял за шею потерявшего память Сунь Синланя, когда впервые добровольно вступил в близость со своим младшим братом. Он должен был осознать это еще тогда. Но как ни странно, лишь в эту секунду Сунь Цзинь по-настоящему понял: он погиб.

Вскоре он пришел к выводу: раз теперь перед ним находится здравомыслящий Сунь Синлань, это кажется еще более абсурдным, чем отдавать свое сердце человеку, лишившемуся памяти. Однако у этого есть и плюс — теперь всё не так шатко, как прежде, когда он боялся, что тот внезапно очнется, боялся, что сон разрушится. Сейчас это не сон, они оба бодрствуют и всё

прекрасно понимают.

— Мяу...

Путуюю вбежал в комнату. Сунь Цзинь опомнился, поднял кота на руки и вышел из спальни, чтобы покормить его.

Проходя мимо комнаты Сунь Синланя, Путуюю вытянул шею, заглядывая внутрь. Так же, как и тогда, когда Сунь Синлань восстановил память и покинул деревню, кот постоянно смотрел на ту маленькую комнату. Сунь Цзинь говорил ему, что Сунь Синлань больше не вернется и не откроет ему дверь.

Но в этот момент Сунь Цзинь погладил его по голове и прошептал:

— Он скоро вернется.

Это пообещал ему сам Сунь Синлань прошлой ночью.

К вечеру Сунь Цзинь работал в кабинете и вдруг услышал звук закрывающейся дверцы машины внизу. Его пальцы замерли над клавиатурой. Несколько секунд он просидел неподвижно, а затем вскочил. Казалось, спускаться вниз было уже поздно, поэтому он бросился на ближайший балкон гостиной и увидел, что у ворот стоит человек. Это был не Сунь Синлань.

Увидев Сунь Цзиня на балконе второго этажа, Чжао Хай окликнул его:

— Сяо Цзинь, как раз вовремя, открой ворота. Я привез остальные вещи Синланя.

Сунь Цзинь оцепенел на мгновение, прежде чем ответить:

— О, хорошо.

Три чемодана, плюс тот, что привезли позавчера — всего четыре. Это был багаж, который Сунь Синлань привез из Торонто. Сунь Цзинь подумал о том, что вилла Сунь Сянпина давно заложена, и эти четыре чемодана — всё, что осталось у Сунь Синланя. Почти четыре года жизни, с момента ухода из дома в юности и до возвращения, сжались до размеров этих сумок.

— Я сам все разберу, — сказал Сунь Цзинь. — Вы идите выпейте воды.

— Нет-нет, что там разбирать, просто перенес чемоданы, я не устал, — улыбнулся Чжао Хай. — Синлань не любит, когда другие трогают его вещи, так что потрудись уж, брат.

Сунь Цзинь кивнул и, помолчав, спросил:

— Это вы отвозили его утром в аэропорт?

— Да, — вздохнул Чжао Хай. — Это ваше семейное дело, мне не пристало много говорить. Но всему должен прийти конец. Синлань повзрослел, он знает, как поступить, так что не переживай.

— Сунь Сянпин... где он сейчас?

— Говорят, в Лаосе, Синлань отправился через границу в Сишуанбаньна, — Чжао Хай

помолчал и добавил: — Сяо Цзинь, я знаю, ты всегда был хорошим парнем. Может, тебе это трудно принять, но позавчера вечером ты едва не пострадал, это дело...

— Нет, — перебил Сунь Цзинь. — Я не беспокоюсь о Сунь Сянпине.

Когда Чжао Хай ушел, Сунь Цзинь остался разбирать вещи один. Он вынимал содержимое чемоданов и расставлял по всей комнате, бережно развешивал одежду в гардеробной. В последнем чемодане лежали в основном документы, почти полностью на английском. Сунь Цзинь не решился их трогать, а просто аккуратно сложил стопкой на столе.

На самом дне лежал неприметный бумажный конверт без каких-либо надписей, края которого были потерты. Сунь Цзинь взял его в руки и наклонился, чтобы подобрать оставшиеся книги, как вдруг из конверта выпала пачка бумаг и рассыпалась по чемодану.

Сунь Цзинь протянул руку, чтобы поднять их...

У Сунь Цзиня не было номера телефона Сунь Синланя в стране, но тот отправлял ему сообщения — вероятно, это был его основной номер.

Уехал в компанию, если что — свяжись.

На балконе холодно, возвращайся в комнату.

В тот вечер Сунь Цзинь долго смотрел на эти две строчки, а затем набрал ответ: Не забывай менять повязку, не мочи рану.

Поколебавшись, он отправил сообщение. Переписка на экране выглядела симметрично, сообщения располагались совсем близко, словно смотрели друг на друга.

Через несколько минут пришел ответ: Мгм.

Сунь Цзинь мог представить его выражение лица: скорее всего, никакого, холодное и безразличное. Затем он подумал: поймал ли Сунь Синлань Сунь Сянпина? Что он сделает с их отцом?

У него было искушение спросить, но в конце концов Сунь Цзинь выключил телефон.

Он не мог вмешаться, да и не было у него такой возможности. Ему оставалось лишь ждать дома, пока брат разберется с тем, что должно было быть решено давным-давно, и завершит свою месть, растянувшуюся на долгие годы.

Прошло два дня. Ближе к вечеру Сунь Цзинь спустился вниз готовить ужин. Последние два дня он всегда готовил на двоих, потому что не знал, когда вернется Сунь Синлань.

Поставив рис, он надел фартук и заглянул в холодильник в поисках овощей. Путуюю, задрал голову, наблюдал за ним, словно пытаясь унюхать запах рыбки.

Вдруг кот наострил уши, широко открыл глаза, посмотрел на стеклянную дверь гостиной и мяукнул.

В тот же миг Сунь Цзинь услышал хлопок дверцы машины снаружи. Помидор в его руке был холодным. Сунь Цзинь хотел положить его обратно в холодильник, но вспомнил, что собирался

использовать его для готовки. Помедлив несколько секунд, он положил помидор возле мойки.

Путуюю уже побежал к входной двери. Сунь Цзинь застыл на месте, медленно закрыл холодильник и взглянул на стеклянную дверь: за черными воротами стояло несколько человек.

Сунь Цзинь подошел к двери и потянул за ручку.

Вечернее весеннее солнце мягко и долго озаряло двор теплыми лучами. В тот момент, когда Сунь Цзинь открыл дверь, Сунь Синлань как раз толкнул калитку. Их взгляды встретились на расстоянии. Сунь Цзинь стоял у порога и смотрел, как Сунь Синлань выходит из тени, идет по садовой дорожке, проходит сквозь закатное зарево, поднимается по ступеням и останавливается прямо перед ним.

Его лицо выглядело усталым, но взгляд был тяжелым, глубоким и наполненным силой. Когда они вот так стояли друг напротив друга, у Сунь Цзиня возникло иллюзорное ощущение долгой разлуки, хотя прошло всего два дня.

Возможно, что-то изменилось, или, вернее, стало глубже и отчетливее.

На правой щеке Сунь Синлани красовалась заживающая царапина, косо рассекавшая бледную кожу. Чем ближе он подходил, тем заметнее она становилась. Сунь Цзинь несколько секунд пристально разглядывал шрам и спросил:

— Поранился?

— Случайно зацепил, — ответил Сунь Синлань.

Потом снова воцарилась тишина. Лишь легкий ветерок шелестел листвой. Путуюю бесшумно высунул голову из двери и уставился на Сунь Синлани широко раскрытыми глазами.

— Я только что поставил вариться рис, — Сунь Цзинь опустил глаза, приоткрыл дверь шире и сказал: — Собирался готовить овощи, ты что хочешь...

— Брат, — перебил его Сунь Синлань.

Сунь Цзинь поднял на него взгляд, но не смог прочесть ничего по его невозмутимому лицу, поэтому просто спросил:

— Что такое?

Сунь Синлань смотрел на него и произнес:

— Обнимешь меня?

Это не было вопросом или просьбой. Это было низкое, утвердительное высказывание. Хотя фраза была построена как вопрос, она звучала скорее как не терпящий возражений приказ. Странное чувство: казалось, он был уверен, что Сунь Цзинь послушно обнимет его.

Сунь Цзинь отвел взгляд и сказал:

— Заходи, я закрою дверь.

Сунь Синлань вошел, и Сунь Цзинь закрыл за ним дверь.

Пока он закрывал замок, Сунь Синлань стоял прямо за его спиной, совсем близко. Когда дверь была закрыта, Сунь Цзинь, глядя на дверную ручку, промолчал. Затем он развернулся и, не поднимая головы, обнял Сунь Синланя за талию.

Его руки постепенно сжимались сильнее. Он слышал, как сердцебиение Сунь Синланя становится всё четче по мере того, как расстояние сокращалось. Родной запах был таким знакомым. Хотя обнимали именно Сунь Синланя, Сунь Цзинь чувствовал, что это он сам оказался под его защитой.

— Было две ошибки. Первая — Сунь Сянпин, — тихо произнес Сунь Синлань. Когда он договорил, то поднял руки и обнял Сунь Цзиня в ответ. — С этим покончено. А теперь наступит очередь второй, и это займет много времени.

Он не уточнил, в чем заключалась вторая ошибка, но Сунь Цзинь понял.

Сунь Синлань говорил о себе.

Первой ошибкой в этой семье был Сунь Сянпин, эгоистично посеявший все беды.

Вторая ошибка — сам Сунь Синлань, искаженно и фанатично причинивший боль Сунь Цзиню.

Первая ошибка уже исправлена. А вторую Сунь Синлань должен будет искупать и исправлять в будущем, потратив на это очень и очень много времени.

Сунь Цзинь промолчал, лишь закрыв глаза в объятиях Сунь Синланя.

Этот дом был огромным, и в нем жили двое самых близких по крови людей. Они заново создавали семью. Боль, разрывы, шрамы, кровь и слезы, возможно, никогда не исчезнут полностью, но со временем все немного утихнет. У них впереди еще целая жизнь.

<http://bllate.org/book/22345/2341080>